

Вениамин Евгеньевич Чиркин

Верховенство права в терминологии западных и восточно-европейских языков

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА:

верховенство права, терминология верховенства права в зарубежных языках, правовое государство, принцип законности, определения

Концепция и практика правового государства неразрывно связана с понятием верховенства права. Это отражают существующие формулировки. В немецком языке термин «господство права» («Rechtsstaatlichkeit») произведен от слова «правовое государство» («Rechtsstaat»), во французском языке до сих пор часто используется просто перевод последнего названного немецкого слова в формулировке «État de droit», а в английском языке для обоих этих понятий применяется одно и то же словосочетание – «rule of law». Поэтому в качестве общего понятия в заголовке статьи пришлось использовать немецкую терминологию: оба русских термина имеют в английском языке одинаковое написание.

В российской юридической литературе существует устойчивое представление, что понятие «правовое государство» по своему содержанию шире понятия «господство права» и поэтому используются разные термины. Последний термин – только один их элементов первого (правового государства), хотя, видимо, решающий. Среди других элементов правового государства исследователи называют разные составляющие, в том числе не относящиеся непосредственно к нему (власть народа, закрепление в конституции и осуществление на практике прав человека и гражданина, политический плюрализм, представительную демократию, разделение властей, должную судебную процедуру, ответственное (перед парламентом) правительство, местное самоуправление, урегулированность на уровне закона всех основ-

ных общественных отношений и др.). Иногда таких элементов называют около десятка, и философский вопрос в праве о возможных, необходимых и достаточных признаках данного понятия продолжает оставаться спорным.

Термин «правовое государство» (в разных словарных обозначениях) теперь вошел во многие современные демократические конституции на разных континентах. Исследователи говорят о принципе правового государства¹, называют разные принципы или элементы такого государства. Например, немецкий автор Альфред Катц говорит о шести принципах права в таком государстве, некоторые из них своеобразны: принцип разделения властей; персональное поручительство и ответственность; определенность, правомерность, уверенность в отношениях; принцип соразмерности; правосудие в независимых судах; структурный элемент социальности, поскольку правовое государство не может не быть социальным, говорит проф. А. Катц)².

В рассуждениях о правовом государстве почти всегда присутствует идея верховенства или господства права (на наш взгляд, эти слова имеют свои оттенки). О правовом государстве говорится теперь во многих конституциях. В общественном сознании присутствует понимание, что правовое государство это такое, в котором не совершается правонарушений. Они есть, и в том числе очень тяжелые и массовые, в любом государстве. Часто термин «правовое государство» в конституциях это только идея, а не факт, выражение движения в этом направлении.

«Верховенство права» в демократическом государстве ближе к фактическому состоянию, но в конституциях подавляющего большинства государств мира (в том числе России), в отличие от словосочетания «правовое государство», нет законодательного термина «верховенство права», хотя иногда используется рассматриваемый ниже англосаксонский вариант этого понятия. Во многих романских языках также нет таких кратких устойчивых словосочетаний, которые бы полностью отражали содержание формулировки «верховенство права», используемой в русском и некоторых других славянских языках. В романских (итальянском, испанском и др.) языках слово «верховенство» в словосочетании «верховенство права» это *regla*, *regola*, *regra* (его корень – регулирование, правление, управление). Нередко в таких странах для такого понятия используются без перевода английское словосочетание *rule of law* (буквально: правление права) или его буквальный перевод на иные языки (*l'état de droit* – фр., *el estado de derecho* – исп., *stato di diritto* – итал.), но оно, как мы попытаемся показать ниже, не адекватно содержанию «верховенство права». Недостаток таких словоупотреблений

¹ Л.С. Мамут, *Конституционный принцип правового государства. Конституции в XXI веке. Сравнительно-правовое исследование*, Москва 2011, с. 354–366.

² См.: А. Katz, *Staatsrecht. Grundkurs im Öffentlichen Recht*, München 2010, с. 91.

еще и в том, что в некоторых из названных языков слова «право» и «закон» обозначаются одним и тем же словом (*law, ley*).

Насколько можно судить по переводам, термина, выражающего содержание формулировки «верховенство права» нет и в конституциях Востока (Китай, Японии и др.). В странах Латинской Америки, где обычно принято в конституциях перечислять основные принципы правового государства, «верховенство права» (в буквальной формулировке) почти не названо. Нет в конституции России и зарубежных стран также термина «господство права», который иногда используется в российской юридической литературе и обычно считается аналогом верховенства права. Поэтому то, что сказано ниже о верховенстве права в основном относится и к термину «господство права».

Буквальная формулировка «верховенство права», используется редко, преимущественно в некоторых балканских государствах, образованных на постсоциалистическом пространстве (ст. 8 Конституции Македонии 1991 г. – «владеењето на правото»³, ст. 3 Конституции Хорватии 1990 г. – «vladavina prava»)⁴, а также в ст. 1 Конституции Беларуси 1996 г. – «принцип вяршэнства права»⁵, в ст. 8 Конституции Украины 1996 г. на украинском языке – «верховенство права»⁶. Такое положение иногда перечислено наряду с другими «ценностями конституционного строя» (Хорватия), «основными ценностями республики» (Македония), к которым обычно отнесены права человека, политический плюрализм, разделение властей и др.). В Беларуси этот принцип содержится в отдельной статье с развивающими его положениями. В Словакии и Чехии особого термина, видимо, нет, используются термины обозначающие также правовое государство – *právného stavu, právního řádu*, в Польше – *praworządność* (правовое правление), что близко к смыслу английского словосочетания.

Кроме славянских стран этот термин используется в ст. 2 Конституции Туниса 2014 г., где говорится, что «la primauté du droit» это принцип «гражданского государства» (буквально: государства гражданского характера). Это уже ближе к смыслу, хотя, на наш взгляд, первое слово для этого не самое удачное (подробнее – ниже). Терминология, более точно отражающая смысл термина «верховенство», иногда применяется в испаноязычной стране Латинской Америки – в ст. 153 Конституции Гватемалы (1985 г.

³ См.: Устав Републике Македонија, Скопје 2007.

⁴ См.: Ustav Republike Hrvatske 1990, http://ru.appszoom.com/android_applications/reference/ustav-republike-hrvatske_fuixw.html (дата обращения: 22.02.2018).

⁵ См.: Канстытуцыя Рэспублікі Беларусь, www.pravo.by/main.aspx?guid=2111 (дата обращения: 22.02.2018).

⁶ Конституція України, Київ 1996.

в ред. 1993 г.), когда используются не слова *la regla de* и не *estado de...*, а слова *imperio de ley*, но и в данном случае, по нашему мнению, *imperio* не самое удачное слово.

В конституциях СССР и советской России формулировка верховенство права никогда не использовалась. В Конституции РФ 1993 г. содержатся положения о правовом государстве, о высшей юридической силе Конституции (ч. 1 ст. 15), есть идея верховенства права, используется слово «верховенство». В ч. 2 ст. 4 указано что «Конституция Российской Федерации и федеральные законы имеют верховенство на всей территории Российской Федерации». Однако это слово имеет в данном тексте определенный акцент. Речь идет не о верховенстве права, как такового, а о верховенстве на всей территории РФ, например, по отношению к актам субъектов РФ и в определенном смысле, в частности, в связи с ролью Конституции РФ по отношению к международным актам РФ. Кроме того, сказано не о верховенстве права, как такового, а о верховенстве Конституции и законов. В период «парада суверенитетов», когда разрабатывалась и принималась Конституция РФ, этот территориальный акцент, в том числе на отношения Федерации и ее субъектов (верховенство на всей территории), был очень важен.

Определенный ограничительный характер имеет и перечень конкретных правовых актов в связи с понятием верховенства (Конституция и законы). Правда, иногда слово «закон» имеет обобщающее значение в смысле всякого нормативного правового акта (особенно в англосаксонской правовой семье), но все-таки обобщающего словосочетания «верховенство права» в Конституции РФ нет.

В некоторых конституциях говорится только о верховенстве закона (ст. 6 Конституции Армении 1996 г., ч. 2 ст. 1 Конституции Боснии и Герцеговины 1995 г., преамбула Конституции Венесуэлы 1999 г.), о высшей юридической силе конституции (ст. 4 Конституции Казахстана 1995 г.), о конституции как высшем законе (ч. 1 ст. 5 Конституции Болгарии 1991 г.) или о том, что Конституция является наивысшим законом государства (Конституция Гаяны 1980 г., Польши 1997 г.). В Португалии среди основных принципов названа «демократическая законность» (ст. 3 Конституции 1976 г.). В Конституции Венгрии 2011 г. использована формулировка: «Основной закон и законы являются обязательными для всех» (п. 2 ст. R). Есть и иные положения, обозначающие значимость права и в частности конституции, законов, законности в обществе. Но все-таки они не аналогичны термину «верховенство права».

Такие положения, равно как и названные выше иные положения романских языков, а также немецкий термин *Rechtsstaatlichkeit* очень важны. Однако, на наш взгляд, они не включают весь объем значения славянской формулировки «верховенство права», не выявляют доминирующей роли

права в обществе при регулировании общественных отношений, особого характера такого регулирования, его обеспечения со стороны публичной (прежде всего суверенной государственной) власти и связанности правом деятельности всех институтов общества, включая само государство. Право верховно по отношению и к государству, это включает формулировка «верховенство права» и включает более отчетливо, чем немецкая или британская терминология. Более того, верховенство права по отношению к государству – решающий элемент понятия правового государства, хотя в данном случае существуют и определенные особенности, о которых речь пойдет позже.

О некоторых подходах в конституциях сказано выше. Обратимся к международному праву. В важнейших международных документах в различной языковой терминологии применяются неодинаковые формулировки в чем-то похожие на «верховенство права». Во Всеобщей декларации прав человека, принятой ООН в 1948 г., говорится только о верховенстве закона, но уже в Уставе Совета Европы 1949 г. среди духовных и моральных ценностей наряду со свободой в преамбуле официального перевода названо верховенство права (так звучит в переводе на русский язык английское словосочетание *rule of law*)⁷. Это повторено в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.⁸ В официальных текстах на других языках использованы иные и совсем разные словосочетания с учетом языковых особенностей: в немецком языке – *der Rechtsstaatlichkeit* (буквально – правовая государственность, а не верховенство права), во французском, где в данном случае отступили от часто используемой немецкой или английской терминологии, применены формулировки *prééminence du droit* или *primauté de droit* (буквально – превосходство, главенство права).

Термины, в чем-то похожие на «верховенство права», есть в иных международных документах, в частности, Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе⁹. В 2004 г. Кофи Аннан, 7-й Генеральный секретарь ООН (1997–2006) сделал доклад о верховенстве права, используя только британскую формулировку¹⁰. В 2011 г. группа членов Венецианской комиссии «Демократия через право» подготовила второй доклад о верховенстве права (Страсбург, 4 апреля 2011г., исследование № 512/2009)¹¹. Первый доклад, подготовленный другой группой, не был принят комиссией.

⁷ Statute of the Council of Europe, London 1949.

⁸ Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, Strasbourg 1950.

⁹ См.: <http://journal.zakon.kz/203436-verkhovenstvo-prava-jeto-sistema.html> (дата обращения: 17.04.2015).

¹⁰ Doc/5|2004|616| 2p/08/2004.

¹¹ [http://www.venice.coe.int/WebForms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD\(2011\)003rev-rus](http://www.venice.coe.int/WebForms/documents/default.aspx?pdffile=CDL-AD(2011)003rev-rus) (дата обращения: 22.02.2018).

Признанного определения этого понятия и после этого доклада не существует. Неясен даже сам характер этого словосочетания. В различных документах верховенство права (если его понимать в используемых славянских и иных формулировках) названо идеей, идеалом, ценностью, принципом, в научных исследованиях используются также термины концепция и доктрина. Видимо, в зависимости от ситуации это положение может иметь разный характер. Для международного права, это в значительной мере призыв, обращенный к государствам, который действительно является идеалом для многих стран. Для государств, где в конституциях (основных законах) такой формулировки нет, это идея, рассредоточенная в различных положениях (верховенство конституции, верховенство закона, законность, требования соблюдения закона и др.). Там, где верховенство права закреплено в конституции (или содержатся иные формулировки, близкие к этому понятию), это является конституционным принципом, а при ценностном подходе – важнейшей ценностью¹². Для научных исследований ценностное значение верховенства права может стать основной концепцией (для специального исследования) или являться исходной концепцией для частных разработок, частных проявлений этого положения в законодательстве, правоприменительной практике, правовой идеологии, менталитете народа и т.д.

Как говорилось, в подавляющем большинстве основных законов государств нет термина, буквально означающего «верховенство права», точно отражающего его содержание. Вместо этого в законодательстве, иногда только в политических документах, в литературе используются несколько терминов и понятий: 1) английский термин *rule of law* – буквально «правление права», от слова «руль», в текстах на западных языках оно дается без перевода, а на русский язык переводится обычно как верховенство, реже – господство права; 2) немецкий термин *Rechtsstaat* – правовое государство, который тоже используется, как клише, или производный от него *Rechtsstaatlichkeit*; 3) используются буквальный перевод немецкого термина «правовое государство» на свой язык – *l'état de droit* (фр. яз.), *stato di diritto* (ит. яз.), *el estado de derecho* (исп. яз.); 4) используется формулировка, в основе которой находится английской термин *rule of law* и используются слова *regla, regola, regra* (правление, правило), например, *regola di diritto* (ит. яз.), *regola de derecho*

¹² Ценностный подход (аксиология) начал разрабатываться в философии. Теория ценностей разрабатывается в конце XIX — начале XX в. в немецкой литературе. Будучи в основном историками, культурологами, немецкие ученые-неокантианцы В. Дильтей, В. Виндельбанд и его ученик Г. Риккерт положили начало аксиологии. В конституционном праве таких монографических исследований нет, хотя слово «ценность» (высшая ценность) используется по отношению к человеку в конституциях России 1993 г. (ст. 2) и Ирана 1979 г. (ч. 6 ст. 2).

(исп. яз.); 5) используется терминология, в основе которой находится понятие законность (в разных вариантах, в странах тоталитарного социализма использовался термин «социалистическая законность»). Слово «законность» используется также в отдельных документах в сочетании с принципом «правовое государство» (например, в ч. 2 ст. 5 испанской Конституции 1978 г.).

Смысловое значение названных терминов не совсем одинаковое. Английский термин «*rule of law*» отражает активное состояние права, его действие. Это понятие не ограничено государством, как и термин «правовое государство» (право действует в обществе в целом), хотя в самой Великобритании этот термин принят в узком толковании знаменитого британского конституционалиста Альберта Дэйси (1835–1922). Он считал этот принцип параллельным второму основному принципу – суверенитету парламента и выделял в верховенстве права следующие составляющие (ему следуют в основном и современные авторы)¹³: это понятие складывается в течении длительного времени путем судебных прецедентов и юридически происходит из них; наказание возможно только на основании понятного людям закона, ориентированного на будущее; никто не может быть выше закона; правят не люди, а законы. Этот последний элемент был, по нашему мнению, главным в названном толковании. В британской концепции изначально истоки понятия верховенства права связывают с Великой хартией вольностей 1215 г. (собрание феодалов ограничило права и власть короля) и с Биллем о правах 1689 г., хотя там этого термина не было. Похоже, что нету его и в законах, относимых к британской Конституции. Но составляющими этой Конституции являются также судебные прецеденты, конвенциональные соглашения и основные выводы трудов выдающихся британских юристов, в которых этот термин присутствует. По существу, термин *rule of law* имеет доктринальное происхождение, он принят в толкованиях. Точное слово «верховенство» в английском языке это «*supremacy*» (а не «*rule*»). Российские юристы, говоря о законе *Act of Supremacy* 1534 г., который обозначил независимость Англиканской церкви от апы Римского, слово *supremacy* часто давали без перевода, так, как слышится – «акт о супрематии».

Хотя теперь от влияния терминов *rule of law* и *Rechtsstaat* для обозначения понятия «верховенство права» многие страны отдаляются, стремясь отыскать свои языковые соответствия (некоторые такие словосочетания мы упоминали выше), все же в конституциях большинства стран, в том числе во Франции, Испании, Швейцарии и др. для обозначения верховенства права эти словосочетания используются как исходные, причем по-прежнему доми-

¹³ См.: J. Alder, *Constitutional and Administrative Law. 6th ed.*, New York 2007, с. 149–170; A.W. Bradley, K.D. Ewing, *Constitutional and Administrative Law. 15th ed.*, London 2011. с. 89–103.

нирует перевод немецкого термина *der Rechtsstaat* (фр. *l'État de droit*, исп. *legal del estado*, ит. *stato giuridico*, пол. *państwo prawne* – государство права, правовое государство или иные термины, названные выше).

Однако истоки возникновения этих понятий и некоторые их элементы не совсем одинаковы. Немецкая идея господства права при возникновении была и теперь связана не с ролью суда (как в Великобритании), а с ролью закона, а также с немецкой философской традицией государственности, а позже, особенно в современных условиях, – с социальной природой государства, которое издает законы, и с социальным содержанием законов. Во французской концепции идею верховенства права связывают с борьбой против абсолютизма, событиями революции 1789 г., суверенитетом народа и принципом легальности государства, которое легально только при власти народа. Это относится и к некоторым другим государствам Европы.

В упомянутом выше докладе Венецианской комиссии 2011 г. отмечается, что для французского языка более точным термином был бы «*prééminence du droit*», а не немецкая калька «*État de droit*». Это разные явления.

Выше уже говорилось о различии этих понятий по широте содержания. Из сказанного видно, что есть и иные различия. Представляется, однако, что *prééminence*, возможно, тоже не в полной мере выражает содержание слова «верховенство». Сложно, конечно, делать какие-то предложения носителям языка, но все же *prééminence* это не столько верховенство, а, скорее «превосходство», «вышестояние» (вышестоящее). Смысл понятия «верховенство права» во французском языке, возможно, лучше передается словосочетанием *suprématie* (или *la supériorité de droit*). В испанском, итальянском языках верховенство, господство тоже может обозначаться словом *suprematia* и подобным ему (а не *regla, regola*). Есть и иные мнения.

В немецком языке, от которого исходят в переводах на некоторые другие языки формулировки о верховенстве права, для обозначения этого славянского понятия используются, как уже вспоминалось, сложные слова – «правовое государство», «правовая государственность» (*Rechtsstaat* и *Rechtsstaatlichkeit*). Оба термина имеют достаточно ясную определенность, но их терминологический минус заключается в ограниченном характере объекта: они относятся только к государству. Применение принципа верховенства права как бы ограничивается понятием государства – *Staat* в *Rechtsstaat* и в *Rechtsstaatlichkeit*. Такая формулировка является узкой, она не вмещает все содержание верховенства (господства) права, которое распространяется на все общественные, а иногда и некоторые личные отношения, которые могут иметь общественное значение. Верховенство права относится к обществу в целом.

В немецком языке понятие «верховенство» может быть обозначено словом *die Herrschaft* (опять-таки не беремся советовать носителям языка),

но формулировка *die Herrschaft des Recht* (буквально: господство, верховенство права) в конституциях Австрии, Германии и, насколько мы можем судить, в правовых актах этих стран не используется. В обычной лексике для понятия верховенства, господства права в Германии используется слово *die Rechtsstaatlichkeit*. Во всяком случае, его дают в переводах, и оно, как отмечено выше, использовано в международной Конвенции 1950 г.

Иногда используются термины «верховенство закона» или «законность». Термин «законность» в Конституции РФ теперь не используется, хотя в ч. 2 ст. 15 говорится об обязанности всех соблюдать Конституцию РФ и законы. Нет его и в законе о прокуратуре РФ в ред. от 17 ноября 1995 г. № 168-ФЗ (с учетом многих поправок). В конституциях сохранившихся пяти государств тоталитарного социализма (Вьетнам, Китай, КНДР, Куба, Лаос) понятие законности, как одно из важнейших, иногда используется в разных формулировках. Наряду с ним, в некоторых из этих стран, в последние годы поправками к конституции включен термин «правовое государство» (но: «социалистическое правовое государство»). Принцип законности упоминается в ст. 5 Конституции Испании 1978 г. и в связи с деятельностью прокуратуры (ст. 124) наряду с термином «правовое государство» (ст. 1).

Термин «законность», как и более определенные – «верховенство закона», «верховенство, высшая сила Конституции», конечно, имеет важное значение, но он еще более узок для выражения всего смысла верховенства права, чем правовое государство (с акцентом на государство). Словосочетание «верховенство права» обладает гораздо более широким содержанием, оно относится к обществу в целом, к различным отношениям в нем, которые могут и должны регулироваться правом, а не только к вопросам соблюдения законности.

Однако и термин «верховенство права» обладает некоторыми недостатками. Он в определенной мере имеет идеологический, лозунговый характер. Этот термин недостаточно активен, он не так динамичен, действенен, как британский *rule of law*, он в большей мере отражает статику, состояние, а не действие. С другой стороны, английское словосочетание имеет свои недостатки: оно не отражает главного: идеи доминирования, господства. На наш взгляд, пока что лучшего термина, чем славянский – «верховенство права» нет. Британское словосочетание по его точному смыслу, качество «верховенства» не обозначает, правление, управление (*rule*) может быть разным. Немецкий же термин и калька с него в других языках относится больше к правовому государству, а не к верховенству права.

Попытка выявить основные составляющие в понятии «верховенство права» (в традиционных формулировках *Rechtsstaat*, *état de droit* и *rule of*

law)¹⁴ и найти наиболее точный вариант сделана в упомянутом выше докладе Венецианской комиссии. Выделенные докладчиками признаки верховенства права в основном совпадают с упомянутым докладом Генерального секретаря ООН 2004 г. и с определением председателя Британского института международного и сравнительного права Томаса Бингема¹⁵. В докладе Венецианской комиссии указаны восемь составляющих понятия верховенства права: (1) открытый доступ к закону (положения которого должны быть понятными и предсказуемыми); (2) вопросы юридических прав должны, как правило, решаться на основании закона, а не по усмотрению; (3) равенство перед законом; (4) власть должна осуществляться в соответствии с законом, справедливо и разумно; (5) права человека должны быть защищены; (6) должны быть предоставлены средства для урегулирования споров без неоправданных издержек или отсрочек; (7) суды должны быть справедливыми; и (8) государство должно соблюдать свои обязательства, как в рамках международного права, так и национального. Среди этих признаков много верных, но, на наш взгляд, в такое определение включены некоторые лишние признаки наиболее общего характера. В результате дается более общая характеристика современного демократического права и его применения, а не одного из его решающих качеств – верховенства. Названы некоторые отдельные признаки, но не выделены достаточно отчетливо элементы, которые являются квалифицирующими для явления верховенства.

Намечая основные признаки понятия «верховенство права», на наш взгляд, важно сразу отсеять очень важные, но общие характеристики права, а также частные признаки и сконцентрировать внимание на том, что выражает *суть отношений верховенства*. Такая суть выражается, видимо, в следующем: 1) право закрепляет (прежде всего в конституциях) основы общественного, государственного строя и правового положения личности; на этой базе развиваются (должны развиваться) все другие отношения в обществе; противоречащие этим базовым положениям нормы не действуют; 2) право в итоге от имени суверенной публичной власти – государственной власти, а в конечном счете от имени власти народа, общества устанавливает общественно значимые возможности для физических и юридических лиц, других участников правоотношений, т.е. субъективные права-притязания и должностное; оно регулирует (стимулирует, поощряет, ограничивает, запрещает и др.) все основные отношения в обществе, которые должны быть урегули-

¹⁴ На наш взгляд, эти исходные формулировки обозначают понятие верховенства права неточно. Поэтому справедливо докладчик Венецианской комиссии предложил вместо *état de droit* использовать *prééminence de droit*, хотя и это (слово *prééminence*), как мы пытались показать выше, недостаточно точно отражает идею верховенства права.

¹⁵ См.: T. Bingham, *The Rule of Law*, London 2010.

рованы и поддаются правовому регулированию; 3) право определяет меру регулирования, осуществляемого другими властями в обществе (например, общественной властью добровольных объединений в отношении их членов или персональной родительской властью в семье); 4) верховенство права означает связанность правом поведения и деятельности всех физических и юридических лиц, объединений, сообществ, органов государства и самого государства.

Последнее не всегда учитывается исследователями. Например, во французской юридической литературе Фрэнсис Амон и Мишель Тропе, говоря о правовом государстве, хотя и признают, что государство «должно действовать в системе права», одновременно замечают, что в вопросе о связанности государства правом есть проблема, поскольку государство имеет свою волю, независимую от права¹⁶. На наш взгляд, этот вопрос в российской науке давно решен: государство имеет свою волю, но оно выразило ее в актах права, и пока они не отменены или не изменены соответствующие положения, эти акты связывают и издавшее их государство.

Выше названы только некоторые подходы к понятию верховенства права. Создание такого понятия и тем более краткого определения требует дополнительных исследований.

РЕЗЮМЕ

Хотя терминология неотделима от содержания, в статье речь идет в основном о терминологической стороне данного явления. Используя сравнительный, лингвистический методы, контент-анализ, автор рассматривает терминологию, применяемую в британской, французской, немецкой, некоторых других конституциях, включая конституции на славянских языках, в иных правовых актах, в международных документах, в научной литературе для обозначения понятий «правовое государство» и «верховенство права» (иногда используется также термин «господство права»). Показаны различия в происхождении, содержании и значении этих словосочетаний в русском, некоторых иных славянских и других языках в Западной Европе. В статье указаны недостатки некоторых терминов, ограничение содержания принципа верховенства права понятием высшей юридической силы конституции, конституционности, законности или указанием на особую роль закона в системе источников права. Автор рассматривает определения «верховенства права», которые даны некоторыми авторитетными международными организациями, предлагает уточнения таких определений.

¹⁶ См.: F. Hamon, M. Troper, *Droit constitutionnel*, Paris 2007, с. 79.

Veniamin Evgenyevich Chirkin

THE RULE OF LAW IN THE TERMINOLOGY OF WESTERN AND EASTERN EUROPEAN LANGUAGES

Although the terminology is inseparable from content the article discusses mainly terminological side of the phenomenon. Using comparative, linguistic methods, content analysis, the author examines terminology used in British, French, German, some other constitutions, including the constitutions in Slavic languages, other legal acts, international documents to refer to the concepts of «state of law» and «rule of law» (sometimes also used the term «supremacy of law»), showing the differences in the origin, content and meaning of these phrases in Russian, some other Slavic languages, and other languages in Western Europe. The article listed the shortcomings of some terms, limit the content of the rule of law concept by higher legal force of the Constitution, the constitutionality, legality or the special role of the law in the system of sources of law. The author examines the definitions of «rule of law», which given some credible international organizations offers clarification of these definitions.

KEY WORDS: *the rule of law, rule of law terminology in foreign languages, state of law, the principle of legality, definitions*

Библиография

- J. Alder, *Constitutional and Administrative Law. 6th ed.*, New York 2007.
T. Bingham, *The Rule of Law*, London 2010.
A.W. Bradley, K.D. Ewing, *Constitutional and Administrative Law. 15th ed.*, London 2011.
F. Hamon, M. Troper, *Droit constitutionnel*, Paris 2007.
A. Katz, *Staatsrecht. Grundkurs im Öffentlichen Recht*, München 2010.
L.S. Mamut, *The constitutional principle of the rule of law. Constitution in the XXI century. Comparative legal research*, Moscow 2011.